

После того как князь Цзинь покинул пиршество, Жэнь Ши и его младший брат тоже не стали задерживаться в Восточном теплом павильоне. Немного посидев для приличия, они вернулись в маленький дворик, где поселился Гу Сюньчжи.

Сяо Цуй нигде не было видно — должно быть, опять куда-то ускользнула, пользуясь отсутствием хозяев. Две утки, так и не привыкшие к жизни на твердой земле, лениво примостились в тазу, который служанка приготовила им еще с утра, и, кажется, крепко спали.

Во дворике воцарилась редкая, почти звенящая тишина.

Поскольку Сяо Цуй отсутствовала, Гу Сюньчжи сам взялся за чайник. Он вскипятил воду и разлил чай — себе и шисюну.

Прошлую ночь он почти не смыкал глаз, а недавнее застолье и бесконечные разговоры окончательно вымотали его. Теперь, сидя за столом и медленно потягивая горячий настой, Сюньчжи чувствовал, как силы покидают его. Ему не хотелось произносить ни слова.

Жэнь Ши, напротив, был бодр и полон энергии. Для того, кто привык проводить недели без сна, выплавляя пилюли, несколько кубков вина были сущей безделицей. Заметив, как изнурен младший брат, он мягко произнес:

— Иди приляг. Когда всё закончится, у нас будет сколько угодно времени для разговоров.

Гу Сюньчжи лишь качнул головой.

— Не усну. Посажу здесь, попою чаю.

Жэнь Ши не стал настаивать, лишь добавил:

— Я тут размышлял в последние дни... Как только покончим с делами здесь, отправимся на поиски учителя.

Сюньчжи вскинулся, сонливость как рукой сняло.

— Ты получил от него вести?

— Нет. Но я примерно представляю, в какую сторону он ушел.

— Вот как, — Сюньчжи поник и снова опустился на стул. — Тогда, в прошлом, я ушел, даже не попрощавшись. Поступил по-свински с почтенным старцем... До сих пор совестно. Я ведь так и не извинился перед ним.

Жэнь Ши, услышав это, внезапно помрачнел. Он посмотрел на брата ледяным взглядом:

— Ты считаешь, что задолжал извинения только учителю?

Гу Сюньчжи словно обухом по голове ударили. С того самого момента, как они вновь встретились на горе Лазурного неба, шисюн всячески выказывал недовольство его давним побегом. Но до сих пор они ни разу не обсуждали это открыто, лицом к лицу.

Жэнь Ши, казалось, не знал, с чего начать, а сам Сюньчжи... он просто не находил слов. Однако, раз уж зашел разговор, извиниться перед братом было необходимо.

Он виновато опустил голову:

— Прости меня.

Но Жэнь Ши не собирался так легко его прощать. Он пристально посмотрел на брата и потребовал ответа:

— Почему ты тогда ушел?

Сюньчжи замаялся. Инстинктивное желание избежать правды заставило его криво усмехнуться:

— Столько лет миновало... Разве упомнишь детские глупости? Наверное, просто бес попутал.

Жэнь Ши плохо разбирался в людских хитросплетениях и привык доверять брату, но дураком он не был. В последние дни они много беседовали, и Сюньчжи с поразительной точностью вспоминал каждую мелочь их общей юности на горе — даже то, что сам Жэнь Ши давно позабыл. Как мог человек с такой памятью забыть причину своего главного предательства? Жэнь Ши оценил честность брата за обедом с князем, и тем горше было сознавать, что теперь, оставшись наедине, тот начал лгать.

Жэнь Ши помрачнел.

Гу Сюньчжи прекрасно умел читать чужие эмоции, тем более что Жэнь Ши никогда не скрывал своих эмоций — всё было написано у него на лице. Сюньчжи занервничал и попытался найти хоть какой-то предлог, чтобы унять гнев брата:

— Столько воды утекло... Теперь эти оправдания уже ничего не изменят...

Он и сам понимал, как жалко звучат его слова. Это походило на нелепые отговорки

напроказничавшего мальчишки, и Жэнь Ши это не обмануло бы. Сюньчжи отчаянно пытался выиграть время, чтобы придумать убедительную ложь, лишь бы не выкладывать правду... Раньше он был мастером по части обмана, но сейчас, под прямым взглядом шисюна, язык его словно онемел. И когда отчаяние уже готово было захлестнуть его, в дверь внезапно постучали.

Для Гу Сюньчжи этот звук стал поистине небесной музыкой. Он подскочил к двери, готовый благодарить спасителя. На пороге стоял личный слуга князя Цзиня.

Тот не любил лишних церемоний и не обращал внимания на чужое настроение. Он сразу перешел к делу:

— Князь велел передать: то, о чем вы договаривались с господином Гу, назначено на завтрашний вечер. Всё пройдет под вашим началом. В течение завтрашнего дня в вашем распоряжении будут любые средства и люди поместья. Утром князь увезет гостя на прогулку по озеру, и к их возвращению всё должно быть устроено в лучшем виде.

Гу Сюньчжи кивнул, и слуга, коротко поклонившись, удалился, не проронив больше ни слова. Братья снова остались одни.

Упускать такую возможность для смены темы Сюньчжи не собирался.

— Князь, похоже, теряет терпение, — заговорил он.

Жэнь Ши всё еще выглядел подчеркнуто недовольным, однако не стал больше допытывать брата расспросами.

— Возможно, боится непредвиденных осложнений. Синий дракон узнал меня и, вероятно, не горит желанием оставаться по соседству.

Разговор о княжеских делах не вызывал у него интереса, и гнев сменился привычным раздражением. Гу Сюньчжи с детства привык к этим сменам настроения — еще до того, как его забрали в монастырь Сюаньду, взрослые даосы смотрели на него именно так. На их мнение ему было наплевать, но когда шисюн взирал на него с такой смесью досады и неприязни, Сюньчжи ощущал почти физический, первобытный страх. В такие моменты его изворотливый ум отказывал.

— Шисюн, — едва слышно позвал он.

Голос Сюньчжи дрожал от едва сдерживаемой тревоги. Он знал, что брат не причинит ему вреда — за все годы шисюн лишь пару раз поколачивал его за шалости, и то под защитной истинной ци эти удары были не более комариных укусов. Но он просто не мог вынести этого взгляда.

Внезапно тяжелая ладонь опустилась ему на макушку.

— Эх, забудь, — вздохнул Жэнь Ши.

Гу Сюньчжи давно вышел из того возраста, когда детей гладят по голове. Ощущение было странным, словно он действительно внезапно помолодел на несколько десятилетий. Несмотря на его почтенный вид и седину, шисюн всё еще видел в нем того самого ребенка.

Рука на затылке дарила тепло и покой, но в душе Сюньчжи вдруг всколыхнулась глухая обида. Это было ново: он никогда раньше не сердился на брата. Для него Жэнь Ши всегда был истиной в последней инстанции, но... он не должен был относиться к нему как к несмышленищу.

— Шисюн, — позвал он снова, — я уже не ребенок.

— Знаю, — Жэнь Ши убрал руку. — Ты уже выглядишь старше меня.

Это была правда. Сюньчжи и сам думал об этом минуту назад, но услышать подобное от брата оказалось нестерпимо больно.

«Что со мной сегодня? — мелькнуло в голове. — Видно, вино совсем затуманило разум, раз я так расклеился».

Чувствуя, как лицо обдаёт жаром, Сюньчжи отвернулся, желая найти полотенце и умыться, но невольно посмотрел в зеркало, висевшее на стене.

Зеркало беспристрастно отразило его лицо: дряхлое, морщинистое, изможденное и невыносимо скучное. Лицо старика, доживающего свой век.

Обычно Гу Сюньчжи старался не смотреть на свое отражение — зеркало служило ему лишь для того, чтобы поправить одежду. Но сейчас в нем отражался и Жэнь Ши. Его безупречное, застывшее в вечной юности лицо с тонкими, холодными чертами.

Контраст был ужасающим. Свежий цветок, брошенный рядом с истлевшей, обветшалой костью.

Несмотря на всю свою житейскую мудрость и умение принимать реальность, Сюньчжи не выдержал. Картина, которую явило ему зеркало, оказалась страшнее любого кошмара, что когда-либо посещал его сны.

Ноги его подкосились, и Гу Сюньчжи рухнул на пол. Из его груди вырвался пронзительный, полный нечеловеческой боли крик.

<http://bllate.org/book/17555/1712135>